

ОБРАЗ-СИМВОЛ ГОЛУБЯ В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Мария НИКИТИНА, студентка филологического факультета,
Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо
Научный руководитель: **Вячеслав ДОЛГОВ**, др., конф.

Abstract: *This article attempts to identify the sources of traditional interpretations of the image of a pigeon based on the poems by M. I. Tsvetaeva. It also analyzes the author's added layers of meaning and variations of the blending of different interpretations to create a more complex and comprehensive image.*

Keywords: *M. I. Tsvetaeva, image, dove, symbolism, tradition, innovation.*

В поэтическом мире М.И. Цветаевой, наделявшей крылатостью не только слова, но и поэтическую душу, много различных образов, взмывающих ввысь или влекомых небом. В их числе особую роль играет образ птицы. Символика поэтической орнитологии М. И. Цветаевой в последние десятилетия находится в центре внимания литературоведов и критиков, однако до сих пор недостаточно изученным, на наш взгляд, остается значимый для поэта образ голубя.

Цель настоящей работы – выявить комплекс символических значений образа голубя, как зафиксированных мифологической, библейской и пр. традициями, так и отражающих индивидуально-авторскую интерпретацию.

Образ голубя относится к числу древнейших в европейской культурной традиции. В древнегреческой мифологии и воспринявшей ее образы античной литературе голубь выступал прежде всего символом любвеобилия. Объясняется это тем, что голубь (голубка) был священной птицей Афины и Афродиты (Венеры). В позднейшей европейской культуре, как и в славянском фольклоре и средневековой письменной культуре, пара голубков – эмблема супружеской любви [2, с. 144].

В языческой картине мира древних славян голубь связан с представлениями о чистом, святом, божьем, а также мыслится как воплощение добра и кротости. По мнению А. В. Гура, «представление о голубе как о святой птице восходит к христианской традиции: в виде голубя Святой Дух сошел с небес во время крещения на Иисуса» [1, с. 515]. Также образ голубя с оливковой ветвью в клюве выступает эмблемой мира и освобождения (Быт. 8:8-12).

В средневековой Европе, как отмечает исследователь Х. Э. Кэрлот, алхимики использовали символ белого голубя для выражения идеи о том, что материя есть вместилище духа [2, с. 145].

Предпринятый нами краткий экскурс позволяет, полагаем, проиллюстрировать тезис о культурно обусловленных смыслах, которые обогащают и усложняют символику и семантику исследуемого образа с течением времени.

Отношение Марины Цветаевой, как к достижениям античности, так и христианской религии было неизменно высоким. Так, например, в дневниковых записях 1920 г. мы находим следующий примечательный фрагмент беседы поэта с Вячеславом Ивановым:

« – Вы христианка?

– Думаю, что да. Во всяком случае, у меня бессонная совесть... И кроме того – я больше всего на свете люблю человека, живого человека, человеческую душу, – больше природы, искусства, больше всего...» [4, с. 14]. Поэтому неслучайно, что, продолжая библейскую традицию, М. И. Цветаева часто в произведениях представляет символом духа святого: в стихотворениях «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», «Мир окончится потопом...», «Чужому».

Образ голубки поэт связывает с родиной. Так, например, в 1917 году, вскоре после начала гражданской войны появилось стихотворение «Москве», построенное в виде диалога с Москвой, названной голубкой:

Что же делаешь, голубка? – Плачу.

Где же спесь твоя, Москва? – Далече [9, с. 380].

Исследуемый образ приобретает новые коннотации: безутешная мать, оплакивающая убитых «голубочков»:

– Голубочки где твои? – Нет корму.

– Кто унес его? – Да ворон черный.

– Где кресты твои святые? – Сбиты.

– Где сыны твои, Москва? – Убиты [9, с. 380].

Следует отметить и факты наложения смыслов, когда исследуемый образ символизирует и жертвенную материнскую любовь, и смирение, и растерянность:

Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...

Материнское мое благословение

Выпустила я тебя в небо,

Лети себе, лети, болезный!

Смиренные, благословенные

Голуби реют серебряные,

Серебряные над тобой [9, с. 265].

Примечательно воспоминание поэта, которое обнаруживается в дневниковых записях, о том, что отец называл «голубкой» её мать: «Голубка» я слово знала, так отец всегда называл мою мать («А не думаешь ли, голубка? – А не полагаешь ли, голубка? – А бог с ними, голубка!»), кроме как голубка не называл никак» [8, с. 80]. Очевидно поэтому слово «голубка» М. Цветаева часто использует в качестве ласкового обращения к подруге или возлюбленной. Так, в стихотворении «Памяти Т. Ф. Скрыбиной» читаем:

Не в высь,

А в глубь –

Веду...

Губами приголубь! Голубка! Друг!

Пригубь! [9, с. 286]

Интересно отметить, возникающую звуковую метафору, основанную на сближении сходно звучащих слов: «Губами приголубь – пригубь – голубка», что создает эффект эха, усиливая связь между образом голубки и нежным прикосновением губ.

В стихотворении «Марина», открывающем одноименный цикл, М. Цветаева называет себя «голубкой орлиной». Это словосочетание является оксюмороном: нежность и кротость голубя сочетается с величием, властью, господством, победой, отвагой, вдохновением, духовным подъемом, – всем тем, с чем ассоциируется орёл. Использование данного тропа объясняется, по утверждению, Майкла Мейкина, попыткой автора объединить двух реально существующих женщин с именем Марина – историческую героиню и саму себя [3, сс. 144-145].

М. И. Цветаева, как широко известно, еще в детстве увлекалась мифами и легендами Древней Греции, поэмами Гомера, трагедиями Софокла и Еврипида. В родительском доме ее окружали гипсовые и мраморные боги, – домашние знакомые с Олимпа [8, с. 153]. Поэтому нередки в её поэзии отсылы к мифологическим образам, как например, в стихотворении «Хвала Афродите»:
*Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!* [10, с. 62]

Голуби отсылают читателя к греческой мифологии, в которой они выступают священными птицами Венеры – богини любви и красоты. Закат символизирует «окончание светлого времени [суток], приход темного» [2, с. 145]. Голуби как символ влюбленности исчезают, как и молодость лирической героини.

Обратимся к смыслам, зафиксированным славянской традицией. Воркующие голубь с голубкой, как уже отмечалось, символизируют супружескую любовь. «Широко распространены они и в качестве поэтических образов жениха и невесты в свадебных песнях. Фигурки голубей часто украшают свадебные караваны, символизируя вечную любовь молодоженов» [1, с. 615], – отмечает исследователь А. Гура.

Так, например, в стихотворении «Вечеру выходят семьи» читаем:

*Господин клянется даме.
Голуби воркуют. Крендель
Правит триумфальный вход* [9, с. 374].

Воркующие голуби и традиционная выпечка, подчеркивает любовно-брачную символику образа птицы и отсылает читателя к народным традициям славян. Примечательная также тенденция сравнивать выражение чувств любви с мягким, нежным звуком голубиного воркования. В стихотворении «Мать из хаты за водой», к примеру, так выражены нежные, ласковые речи, адресованные возлюбленному:

*Мать из хаты за водой,
А в окно – дружочек:
Голубочек голубой,
Сизый голубочек.
Коли днем одной – тоска,
Что же в темь такую?
И нежнее голубка*

Я сама воркую [9, с. 374].

Образ усложняется за счет отрицательных коннотаций. Так, в этом же стихотворении замечаем тревогу по поводу обманчивости или пустоты красивых слов:

С кем дружился в ноябре

– Не забудь в июле.

Гули-гули-гули [9, с. 374].

Внутренний конфликт лирической героини основан на любви, с одной стороны, и на сомнении в искренности обещаний, опасениях, что возлюбленный позабудет о ней, с другой.

Особенно часто воркование упоминается в цикле «Ремесло», опубликованном в Берлине в 1923 году. Данный мотив представлен в различных вариациях: «над воркотом встреч», «воркоток-говорок», «голубиных тех стай Воркот, розовый рай», «наворковала», «воркотов приятство» [10, сс. 101-106]. Интересно, что воркование связывается поэтом с образом Бога: «Поверх державна Воркота Божья» [5, с. 56].

В стихотворении «Пригвождена...» любовь к куполу-голове уравнивается противоположными образами: голубь, символ Святого духа, и ворон – проклятая Ноем птица: «*Червонным куполом прельщаются \ И вороны, и голубки*» [9, с. 527]. Антитеза «тело – душа» («Ты, ласковый с малейшим волосом, / Неласковый с моей душой» [9, с. 527] напоминает высказывания Далиллы, обвинявшей Самсона в недоверии, любви к своей силе и красоте, тем самым подчёркивая мотив одиночества: «Вникая в прядки золотистые, / Не слышишь жалобы смешной: / О, если б ты – вот так же истово / Клонился над моей душой!» [9, с. 528].

Согласно верованиям славян душа умершего превращается в голубя, поэтому неслучайно исследуемый образ возникает в произведениях, реализующих тему смерти, как например, в стихотворении «А как бабушке...»:

А как бабушке

Помирать, помирать,

– Стали голуби

Ворковать, ворковать. [9, с. 479]

Предпринятый нами анализ позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, образ голубя в лирике М. И. Цветаевой сохраняет свою устойчивую семантику, обусловленную спецификой античной и славянской мифологий, фольклорной, религиозной и светской средневековой культур. В такой традиционной трактовке голубь – символ мира, чистоты, любви, безмятежности, надежды, воплощение Духа Святого.

Во-вторых, цветоевское поэтическое мировосприятие отличает стремление к созданию многогранных и емких образов за счет контаминации разных, порой прямо противоположных, смыслов. Так, например, в контексте любовной тематики голуби традиционно ассоциируются с миром, любовью, верностью и духовность. Однако в лирике Марины Цветаевой голуби могут выступать и символом печали, тревоги.

В-третьих, индивидуально-авторские смыслы расширяют символическую палитру образа. Так, например, у Марины Цветаевой голубь, в соответствии с традицией, является символом святого духа, но также может указывать на духовную близость с родиной (индивидуально-авторское приращение).

Важно отметить, что, несмотря на индивидуализацию смысла, основные значения, придаваемые образу голубя М. Цветаевой, остаются неизменными по отношению к фольклорным, религиозным и мифологическим традициям. Это говорит о том, что, привнося авторские интерпретации, поэт не отрывается от культурного наследия, а, напротив, опирается на него. Таким образом, символ-образ голубя остается прочным и в значительной степени связанным с традиционными коннотациями, обогащаясь авторскими интерпретациями. Следовательно, образ голубя в поэзии М. Цветаевой – это результат синтеза различных источников: славянской мифологии, фольклора, античности, европейской культуры и авторских интерпретаций. Это позволяет М. Цветаевой создавать глубокие и емкие образы, которые не только отражают ее личные переживания, но и резонируют с общечеловеческими ценностями.

Библиография:

1. ГУРА, А. *Символика животных в славянской народной традиции*. М.: Индрик, 1997. – 910 с. ISBN 5-85759-056-6
2. КЕРЛОТ, Х. *Словарь символов*. М., 1994. – 608 с. ISBN: 5-87983-014-4
3. МЕЙКИН, М. *Марина Цветаева: поэтика усвоения*. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 312 с. ISBN 5-7873-0004-
4. СААКЯНЦ, Анна. *Твой миг, твой день, твой век: Жизнь Марины Цветаевой*. Москва: Аграф, 2002. – 413 с. ISBN 5-7784-0223-6
5. СКРИПОВА, О. «Быть голубкой его орлиной»: образы птиц в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло». В: Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 207–212. ISSN: 2071-2405
6. ТОЛСТОЙ, Н. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. – М., 1996. – 254 с. ISSN: 0350-7653
7. Уразова, М. *Две сестры / Марина Цветаева, Анастасия Цветаева*. Москва: АСТ, 2020. – 432 с. ISBN 978-5-17-119330-0
8. ЦВЕТАЕВА, М. *Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина*. Москва: ТЕРРА, 1997. – 336 с. ISBN 5-300-01534-2
9. ЦВЕТАЕВА, Марина. *Собрание сочинений в семи томах. Том 1. СТИХОТВОРЕНИЯ*. Москва: Эллис Лак, 1994. ISBN 5-7195-0013-8
10. ЦВЕТАЕВА, Марина. *Собрание сочинений в семи томах. Том 2. СТИХОТВОРЕНИЯ. ПЕРЕВОДЫ*. Москва: Эллис Лак, 1994. ISBN 5-7195-0019-7